

ИЛЬЯ СОКОЛОВ

[НОЧНОЙ]{КОШМА}

16+

Илья Соколов

Ночной кошмар

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36068803

SelfPub; 2018

Аннотация

Отважная девушка Эмма приходит ночью в лесную Хижину Смерти, чтобы найти пропавшего друга. Она надеется, что сможет его спасти. Конечно, если Камень Кошмаров позволит это сделать... Небольшая повесть из сборника "Больше не уснёшь". Сновидения, хоррор, любовь...

В оформлении обложки использована иллюстрация с <https://horrorzone.ru> по лицензии СС0.

*

Моментальный «наплыв», быстрый, как пуля в полёте...

In this hole

That is me

Это ночной кошмар, а не девушка...

The dead are rolling over

Залитый сном угол хижины снаружи. Рассвет прячется где-то в страхе востока. Эмма любит представление звёзд, летним театром небесной ночи...

The sun has set; all darkens

Зловещая хижина как будто дышит. «Мы созданы, чтобы всё завершить...»

Прощальные порывы ветра скользят по головам деревьев...

Tear me from myself

– Пап, можно мы с Эмкой пойдём играть в лес? Ну туда, за Чёрную Черту?

– Нет, сынок! Нечего вам там делать... Это Чёртова Черта... Это место _ проклято...

– Эмка, пошли спросим у твоих родителей...

What's my release?

What sets me free?

И вот она всё-таки здесь. Она пришла забрать его...

– Кого? У кого? – Режиссёр непонимающе пялится на сценариста, который спит в кресле. Дверь в помещение тускло открывается, на пороге стоит Туманная Тьма. Она невидимо оглядывает комнату и разочарованно говорит «Никого.»

И с силой закрывает дверь...

Do you pull me up just to push me down again?

Сегодня ночью в нашем лесу никакого света. А хижина, говорят, живая... только «слеплена» из мёртвых людей...

– От этого могут возникнуть плохие страшные проблемы!

Как в центре «глаза бури», Хижина Дьявола обнесена частоколом чёрной чащи.

Идти туда одной, а хоть всем миром (сказал ей Старейший), что выстрелить собой в объятый мертвеца на дне его могилы.

«Эмма, ты не доберёшься даже до конца опушки, Эмма, ты не поступишь так с собою, Эмма, оттуда не возвращаются, Эмма...»

Dig bury me underneath

Everything that I was you ain't fuckin' changing me

Gums bleeding

Твои пальцы похолодели, красавица... Забытая в детстве боязнь темноты ядовито обнимает за плечи... Твоё девичье сердце бьётся осколками стёкол в такую Чёрную Полночь, когда твоя рука хватает ампутированную руку двери...

Хищная Хижина Смерти (но в восхищеньи перед Эммой).

Let me help you tie the rope around your neck

Дверь нараспашку, как чёрная луна...

Let me help to chain the weights onto your legs

Первый шаг в пустоту...

Let me help you hold the glock against your head

Темнота манит... Молчаливо-мёртвый магнит...

Dead man dangling from a tight rope

Если бы страх можно было вкалывать, точно наркотик,

Эмма непременно умерла б от передозировки.

Хижина внутри – глубокая могила. Эмма в эпицентре сумрачного взрыва.

И слышен лишь удар закрытой двери.

В густом тумане тишины...

Теперь Каждый Выстрел Пульса Эммы Словно Пуля В Сердце...

Девушка как будто смотрит на себя со стороны: через черноту черепной коробки пробивается Взрыв * Кровь * Взрыв * Кровь *

Вот в этот-то момент она и понимает, что действительно смотрит на себя: парой метров левее тьму режет вспышка, оставляя шрам.

Хижину проглатывает свет, тяжёлый, как лёгкое покойника, полное колодезной воды. Испуганный взгляд Эммы двойной спиралью переплетается с собой.

Заброшенной ночью в Хижине Смерти на опушке мёрт-

вого леса за запретной Чертой, возможно, единственная лучшая девушка в Море Живых пришла за Ним, а встретила себя.

– Смотри сюда, она одета просто:

На Эмме старое платье охотницы за демонами (когда нужно превращающееся в плащ), изящные кожаные сапожки, незаменимые в походах на тот свет, и (чтоб туго скрыть девичью грудь) футболка с фотографией картины Мунка «Крик», видневшаяся из V-образного разреза декольте.

Падший подол бесконечно кончается вороньими перьями – отличительный признак потомственного экзорциста.

На среднем пальце правой руки кольцо–калейдоскоп.....

Две капли летнего дождя – её осенние серёжки,,

На шее лунный медальон●

Эмма... Тёмная блондинка, прекрасная, как головная боль диктатора.

– Да, дальше! – орёт режиссёр, одевая на ходу халат уборщика. Он хватает швабру и начинает торопливо подметать опустевшую площадку сцены номер 0.

Кем бы ты ни был: мальчиком или девочкой. Мужчиной или женщиной...

Ты просто проснёшься и увидишь эти страшные ночные сети на окнах.

Ты попался, как рыбёшка, неспособная ничего изменить.
Ты просто лежишь и слышишь глухой шум где-то внутри и вовне.

– Кори, я сейчас умру отсюда...

Чёрный шум разъедает стены твоей вечной спальни. На смерть прикованный к кровати инвалид печально смотрит с потолка, но растворяется в твоём последнем вздохе... А шум всё ближе и ближе. Через рыбацкую сеть страшнейшего к тебе окна виднеется прозрачное пространство ночи.

Холодная тьма укутала тебя твоим же одеялом. Прятаться поздно.

Секундой позже ты понимаешь, что больше не один (одна).

Тот чёрный шум бесшумно превратился в «человека».

Со всех сторон в молчанье выползают тени...

Повторный приступ одержимости? Шизофрения?? Кома???

Человек без лица и без друга просто стоит где-то внутри и вовне и просто смотрит на то, как ты пытаешься проснуться. Та раковая опухоль у тебя в голове (которую все называют «мозгом») начинает болезненно делиться и через 48 лет разъединяется сама с собой.

А ты ведь так и не проснёшься...

– Значит, он говорит, что это всё ему во сне приснилось? – скептически улыбается мистер Номер. Из глубины комнаты к

нему медленно идёт безголовое тело, пестрящее множеством шрамов, в каждом из которых мерцает телешум пустого канала. Острые как политический анекдот, за знание которого расстреляли 300 человек, кости торчат из мёртвых культей рук. Пень безобразной шеи украшен металлическим узором – защит железной нитью.

И каждый шов в итоге образует слово.

Господин И Грай поворачивается к Номеру и говорит, размашисто не обратив внимания на безликий и бесполой труп:

– Он смеет утверждать, что Рон стал бы барабанщиком, а Гарри – гитаристом. И Гермiona – вокалисткой...

Мистер Номер и И Грай сидят за стойкой в гигантском помещении их личных измерений. У каждого в руке стакан, бесконечно повторяющий форму песочных часов.

– Нам, кажется, уже пора...

– Ага. Сейчас заплачу и сдохну...

Оба посетителя бара имени их двоих срастаются в пре-странную фигуру (покатый треугольник вверх, покатый треугольник вниз).

Пока ты смотришь, как они, в прозрачности вращаясь, двоично превращаются в очередной стакан, к тебе подходит твой безголовый официант.

Он нагибается, чтобы принять заказ.

Специально, чтобы ты видел «слово швов» его подноса-шей.

Но ты совсем не смотришь на официанта. Твой любопыт-

ный взгляд теперь пришит к скучающей блондинке у камина.

А металлические швы ведь всё равно сложились в слово «СОН».

«Я, конечно, в Аду! Окончательно мёртв(...мёртв)...»

Стеклянный протез глазного яблока Земли из Райского сада...

– Для меня нет себя прекрасней/ Но ловлю я свой взгляд напрасно/

Как виденье неуловимо, каждый день прохожу я мимо...

Человек без лица и без друга напевает перед почерневшим зеркалом в ванной.

Тьма гаснет. Сцена уносится в НОВЬ.

Ночь на каждом кончике каждого ржавого зуба Отражённой Эммы.

Это не зубы, а гробовые гвозди...

Чёрно-белая ворона летает по дому.

Аплодисменты крыльев, кошмар улыбки Отражённой Эммы...

А это ведь всего лишь зеркало в углу.

Так же человечно, как привидение инопланетянина.

«Вторая» (первая) Эмма широко раскроет страху глаза и, увидев всё то, что ты смог увидеть, поймёт, что больше не смотрит на своё отражение...

Загробный крик – и зеркало кошмара уносит ветер тьмы.

Сквозь грязь закрытого в себе пространства доносится взрыв голосов, которые безмерно застывают в Эмме.

Но один заблудившийся снаружи голос попадает в мечущуюся по хижине ворону, точно прожжённая кислотой мусорная корзина в канаву, словно сердце мишени в неподвижно зависшую пулю...

«Твои шаги преследуют меня...

Сейчас всё ещё лето.

Луна – как обручальное кольцо. Как дул о пистолета.

Круг черноты внутри. Глазница пустоты.

Мы выходим на вымерший пляж, а море выглядит зеркальной пустыней.

И на песке твои шаги теряют звук.

Мы смотрим в тёмные волны, нам даже кажется, что море оживёт – из глубины на сушу выйдет монстр, похожий на кошмар из отражений...

Но воды этой ночью тихи.

Этой ночью мы видим город опустевшим.

Твои шаги преследуют меня – этой ночью...

Заходим в старый дом, а он огромен: сотни комнат.

Главный коридор такой длины, что когда ты уходишь в

один его конец, а я пою «Nightmare» в другом – меня не слышишь, только шёпот.

Ты возвращаешься и объясняешь: почти весь звук уходит в комнаты на этаже.

Старый отель – все номера для нас открыты, выбирай любой.

Но ты не хочешь: слишком скучно.

Уже на улице твои шаги опять преследуют меня...

Внезапно зал открытого кафе.

Садимся на террасе, столик в центре. Вокруг лишь темнота кружится на ветру.

Во взгляде взгляд. Тепло растает отраженьем...

И напряжение растёт как звук на гранях тишины.

Я предлагаю всё закончить.

Но ты не хочешь: слишком это всё легко.

Тогда пройдемся через парк...

Деревья в темноте – печальные изгибы. Шептанье ветра / снова тишина.

Ты смотришь в небо – полая луна. Нездешний свет лежит на островках полян.

Сорвёшь цветок – он тут же потеряет цвет.

Но ароматом хоть немножко будешь пьян...

Парк падает во тьму за нами.

Пустынный город здесь как будто бы влезает на холмы. Ступени-улицы. Идём под сумрачными облаками...

Все выходы, прощанья и потери: всего лишь двери мимо

нас...

Мои шаги, конечно же, твои.

А город умер. Навсегда.

Тьма рассыпается под уличными фонарями...

И здесь любой свободен путь. Для нас.

Сейчас всё ещё лето...»

This puzzle's dead inside

И Эмма всё-таки глаза свои открыла.

Missing pieces growing eyes

Отчаянный вдох темноты...

Mystery

По хижине в крошечной тишине порхают чёрно-белым
чьи-то перья.

Little girls severity

Little boys begging mercy

Потусторонне гаснет свет... Смешалось будущее с мёрт-
вым настоящим.

Sticks break on me

Но Эмма только на мгновение забыла, кто ты...

Как голос призрака, из медальона Эммы родился тусклый
луч.

Darkened voices plead disease

А стены хижины как будто бы исчезли...

Девчонка-экзорцист теперь одна в центральной точке бес-
конечной Тьмы.

(Трёхмерный голос Режиссёра: «Но если же – одна, то почему там с ней ещё и ЭТО?!»)

Introverted

А жёлто-серый бледный луч испуганно хватается что-то...

I see death coming, mowing down

Оно, похожее на мертвеца, который больше не похож ни на себя, ни на жертву случайного счастья, просто стоит {как человекообразное слизистое желе} неподалёку... Стоит до тех пор, пока не начинает приближаться.

Was it your cell or was it your tomb

И Эмма слышит, как оно «дышит». Такой, знаешь ли, морщинистый звук.

Dismembering me

С неотвратимостью судьбы самоубийцы оно каждую секунду на шаг дальше от благополучного исхода. К Эмме подбирается страх, хватается когтями за платье. Теперь она в его объятьях.

Оно теперь шепчет ей в ухо (слова скользят по щеке, как осенние листья по могильному камню):

«Дети с гвоздями, вбитыми в обугленные любовью черепа, атакуют твой дом на отшибе... Ты собирался просто позавтракать, но вместо тостов и кофе – неожиданный бой с кошмарными детьми-мертвецами... Если хватит храбрости глянуть в окно, увидишь одного мальчика в окровавленной майке доставщика пиццы... Всё-таки было бы кстати перекусить, пока время есть...

Пальцы того парнишки вырваны, а на их место вставлены острые гвозди длиной в скорость мысли среднестатистического человека... Помочь тебе никто не сможет – слишком твой дом далеко от нормального мира...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.